ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Алексея Владимировича Федорова «Творчество А. К. Толстого и русская литература третьей четверти XIX века» на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература, представленной в Диссертационный совет Д.002.209.02 при ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук».

Историко-литературная проблема, на которой сосредоточил свое исследовательское внимание Алексей Владимирович Федоров, должна быть признана сегодня наиболее *актуальной* в нашей области - в области изучения творчества А. К. Толстого. Весьма важно обращение к ней и для научного понимания литературного процесса в указанный период.

Действительно, мы имеем десятки серьезных работ, посвященных различным эпизодам биографии Толстого, его этическим и эстетическим воззрениям, его историзму и фольклоризму, поэтике, языку, связям с немецкой культурой и т. д. При том, что эти работы существенно обогащают и уточняют наши знания о писателе, уже давно становилась очевидной необходимость увидеть Толстого в подвижной совокупности тех многочисленных общественных и литературных явлений 1850-х - 1870-х гг., которые вызывали его умственные, нравственные и художественные реакции, - и одновременно, напомню, значительными были реакции в общественно-литературной среде на деятельность Толстого. Создать полную и подробную картину того, что происходило тогда в этой среде и в творческом мире писателя, - весьма *важная и неотложная задача*. Что решена она в настоящей диссертации вполне успешно, для меня очевидно. В этом и не могло быть сомнений, поскольку за дело взялся не просто высококвалифицированный филолог, но известный литературовед, построивший для предпринятого им ныне исследования прочное основание. А. В. Федоров с самого начала включился в работу над

первым научным изданием Толстого, стал участником подготовки творческих текстов и писем, часть которых извлечена им из московских архивов. При обследовании их он вносил уточнения в известные тексты и обнародовал несколько неизвестных, предлагая достаточно убедительную атрибуцию.

Как мы знаем, Толстой был связан с очень широким кругом лиц разного общественного положения и умонастроения: Наследник, а затем Император Александр Николаевич, Императрица Мария Александровна и ее окружение, высшие администраторы (среди которых его родственники Перовские), крупные деятели консервативного лагеря: М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Б. М. Маркевич, М. Н. Лонгинов - и либерального: М. М. Стасюлевич, П. В. Анненков и др., славянофилы и западники, историки и журналисты различных ориентаций, конечно же, - писатели, как первого ряда, так и малоизвестные литераторы, художники и актеры. Но занимаемая Толстым в отношении этих лиц и явлений позиция нередко была неоднозначна, подчас изменчива, что отражалось в его творчестве, представавшем, зачастую в контрастном освещении в критике, публицистике, общественном мнении.

Вполне обоснованно одним из первых вопросов в диссертации А. В. Федорова выступает вопрос о позиции Толстого. И это тем более важно, что долгое время, как указывает автор, такой вопрос «был вытеснен вопросом о причинах его неучастия в борьбе станов, “партий” – в идеологическом и социологическом смысле этих понятий» (с. 7). Все его творчество и есть выражение его позиции. Для ответа на данный вопрос автору потребовалось прежде всего подробнейшим образом рассмотреть все отклики на деятельность писателя, выражающие различные степени понимания или же непонимания его позиции, как в прижизненной, так и в позднейшей критике, а затем и в литературоведении. Содержащая такой обзор первая глава диссертации служит необходимым приступом к выяснению, так сказать, «позиционных» взаимоотношений Толстого с современностью по главным идейным и тематическим линиям. Замечу, что в этой главе не упущен ни один из сколько-нибудь значимых для цели автора печатных источников, для чего пришлось

переработать массу периодики, в том числе немало мелких, затерянных в этой массе изданий. Желательным продолжением (уже за пределами диссертации), - может стать выяснение того, что думала и говорила о Толстом русская провинция - тоже участница литературного процесса - следы чего сохранились в местной прессе, в письмах, воспоминаниях. Сам он заметил в письме к жене от 9 (21) августа 1866 г.: «Вообще я пользуюсь большим успехом у старых помещиков».

В обрисованных автором условиях понимания-непонимания, сочувствия-враждебности выступает фигура писателя, отнюдь не дистанцированного от общественно-литературной среды, но, напротив - в нее включенного. Радикально-демократическая и либеральная часть ее нуждалась в Толстом, чтобы побивать не столько «чистое искусство» как творческий принцип, сколько художника, осмелившегося действовать независимо от направленческого и партийного диктата. Так недоросли-материалисты шельмовали тогда П. Д. Юркевича - не за его трактовку платонизма, до которой им не было дела, а за его свободную позицию философа-идеалиста, так третировали и Н. И. Пирогова за его независимость. В то же время насущно нужен был Толстой и тем, кто хорошо понимал его; но до чего же редко и бледно они заявляли о себе. И причиной была не личная слабость их эстетического чувства и бедность их мысли, а отсутствие в русской критике сил сопротивления деструктивным тенденциям, сил, объединенных общей идейной платформой.

Во второй, третьей, четвертой главах А. В. Федоров рассматривает творческие интервенции Толстого в современность, распределяя их по трем тематическим сегментам: события и явления текущей жизни, «вечные» темы и образы культуры, русская история. В каждом из сегментов исследователь выделяет уже частные, специальные темы, связанные с социальной, культурной, исторической конкретикой и разрабатываемые Толстым в соответствующих произведениях. Подробный анализ последних А. В. Федоров ведет в постоянном сопоставлении с тем, что происходило тогда в обществе и в

литературе, в ходе чего привлекает разнородные поэтические и публицистические высказывания, сыгравшие значительную роль в развитии литературы того периода, и не упускает при этом мелкие стихотворения «на случай», лубочные тексты и т. п. В совокупности им описан и исследован почти полный круг интересов и деятельности писателя, и вместе с тем показано их взаимодействие с настроениями, мотивами, формами текущей литературы. Мы получаем значительно обогащенную диссертантом картину литературного процесса. Говоря «почти полный», я имею в виду, что в диссертации нет и не предполагалось использование всех сочинений Толстого, поскольку в ней принята категориальная структура исследования, накладывающая необходимые ограничения на материал.

Тем не менее, в такую структуру удачно вписан монографический раздел о «Крымских очерках». Наряду с предметно-тематическим соотнесением его с событиями войны автор дает глубокий анализ лирического содержания цикла, заключая все обобщающим суждением: цикл «представляет собой пример органичного соединения автобиографизма, непосредственной реакции на “современность”, традиционного романтического пейзажа, философско-медитативной лирики; то есть в этом сложном художественном целом запечатлен процесс “прорастания” вечного из злободневного, преображения конкретно-исторического во вневременное. Это свойство эстетического восприятия событий настоящего, как и стремление “согласить” все (в том числе “что несогласимо”), то есть синтетически-универсальное художественное мышление характерны для творческой личности А.К. Толстого в целом» (с. 111).

А. В. Федоров учитывает художественную ценность лирического компонента в творческой работе Толстого: у писателя, считает он, очень выразительно «выговаривание собственных душевных движений, словесное оформление неясных мыслей и эмоций. Без этого личного, интимного, собственно лирического» начала поэзия его была бы беднее (с. 276). И такое утверждение вместе с убедительным анализом крымского «лирического

романа» (определение А. В. Федорова) побуждало меня ожидать в работе и подробного рассмотрения остальной - интимной, медитативной и пейзажной - лирики Толстого, которая создавались им как раз в русле разработки данных лирических жанров другими поэтами. Здесь следовало бы сказать о стихотворениях, посвященных отношениям с Софьей Андреевной, о таких медитативных и пейзажных вещах, как «Что за грустная обитель…» (1856), «Когда природа вся трепещет и сияет…» (1858), «Прозрачных облаков спокойное движенье…» (1871), «Земля цвела. В лугу, весной одетом…» (1875) и др. Подобные стихотворения непосредственно участвовали в движении русской лирики и прямо соотносились с творчеством позднего Е. А. Боратынского, Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины, Я. П. Полонского, А. А. Фета. А стихотворение «На тяге» (1871) является одним из лучших образцов «охотничьей поэзии» в стихах и прозе и прямо соотносится со страницами «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) С. Т. Аксакова и, конечно, с тематически близкими вещами Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева. Однако ожидания мои не сбылись.

Такова единственно возможная претензия по части включенного в диссертацию материала, и она, разумеется, не ставит под сомнение большую *научную ценность* - в *историко-литературном и теоретико-методологическом плане*, - равно как и *научно-практическую значимость* осуществленного А. В. Федоровым исследования.

А. В. Федоров справедливо полагает, что масштаб и содержание творческого мира Толстого в его многообразии и разнонаправленности, никому из современников в такой мере не свойственных, обусловлены стремлением писателя к некоему универсализму, проявлявшемуся в остром интересе и темпераментном отклике на все важное, злободневное в области идей, словесности, социальных тенденций. Исследователь убедительно демонстрирует наличие такого стремления, обращаясь к различным сторонам творчества писателя, и, в частности, показывает «уникальную для литературы его времени жанровую палитру» (с. 284), описывает ее состав, подробно

характеризует отдельные жанровые формы - прежде всего исторического романа, исторической драмы. Такой палитре соответствует и тематическая универсальность у Толстого. Из каких истоков проистекает тяготение к подобному универсализму? Федоров верно указывает, во-первых, на неприятии Толстым «узкой точки зрения на человека и мироздание: различные жанры давали возможность более широкого, разностороннего художественного постижения проблем, волновавших писателя» (с. 284 - 285). Здесь же отмечает он выделявшую Толстого в современной литературе «творческую свободу, с которой писатель обходился с устоявшимися жанрами, которые в его наследии иногда взаимопроникают, смешиваются, неожиданно на первый взгляд сближаются» (с. 285).

Многосторонность мировосприятия и творческого поведения Толстого позволяла ему, наряду с поэтической разработкой высоких тем (в том числе идущих от романтической традиции), наряду с выражением интимно-лирических настроений, писать стихи, что называется, «на случай», вызванные мимолетным поводом, откликаться на события текущей жизни в разных ее сферах. Федоров тщательно изучает этот аспект интересов и творчества писателя, используя не только известные его произведения, но и вводя в научный оборот тексты, обнаруженные им в архивах и с большой долей вероятности принадлежащие Толстому. Это стихотворения «К Тебе, царица Русская, дерзаю…», «Куда тебе в Наполеоны…», «”Пейте!” - пел Анакреон…» и др. К этой стороне поэзии Толстого, как мы знаем, относятся не только «летучие» опусы, но и творения основательные, иногда образующие последовательный тематический ряд. Рассмотрению их посвящены значительные разделы, и один из самых основательных составляет содержание параграфа 2 во второй главе диссертации. Совмещая обилие фактического материала с компактностью и четкостью его организации, Федоров создает изображение русского нигилизма в его идеологических, моральных, литературных чертах. И чем насыщеннее это изображение, тем мотивированнее, рельефнее выступают в данном разделе нравственные и

поэтические реакции Толстого на это явление. Содержателен и небольшой подраздел о женской эмансипации, в котором учтено главное, что было высказано в то время по «женскому вопросу», и отмечены отклики Толстого. Единственное, что, может быть, стоило бы сюда ввести, это упоминание о влиянии Жорж Санд на развитие данной темы в литературе и общественном сознании и об освещении темы у И. А. Гончарова (в частности, в его отношении к судьбе Ек. П. Майковой, жены Вл. Н. Майкова).

Разумеется, особое внимание Федоров уделяет «вечным» темам и образам у Толстого и его современников, поскольку именно с ними связаны духовные взлеты и вершинные творения поэта, что весьма глубоко раскрывается в третьей главе. Надо сказать, что входящий в нее анализ поэм «Грешница» и «Иоанн Дамаскин» представляет собой, пожалуй, лучшую из имеющихся трактовок этих произведений в контексте современной им литературы и в свете христианской традиции. Органичным дополнением к этому анализу является заключительная часть подраздела о жанре поэтической молитвы, занимающем заметное место в русской лирике.

Истолкованию мысли Толстого, воплощенной в «драматической поэме» «Дон Жуан», посвящен второй параграф третьей главы, где в полной мере обнаруживается понимание исследователем интеллектуальной и религиозно-этической природы толстовского творчества. Такое понимание позволяет ему видеть некую внутреннюю общность в обычно не сближаемых исследователями персонажах: Дон Жуане, Иоанне Дамаскине и Иоанне Грозном. (К. Павлова заметила по этому поводу, что Толстой «на Ваньках выезжает»). Для сближения действительно есть основания: данные герои представляют собой персонологические версии одного типа, в котором драматически (а в отдельные моменты трагически) сочетаются вера в высшие ценности (в Бога) и человеческие (тварные) страсти. Еще в своей монографии Федоров правомерно утверждал: «Дамаскин словно отвечает на “проклятые” вопросы Жуана и Грозного, играющих роль “горнила сомнений”, через которое должна пройти “осанна”. Кроме того, названные персонажи как способ

самопознания их творца позволяют увидеть Алексея Константиновича Толстого с новой точки зрения - как художника, способного и к изображению трагических, темных глубин человеческой души, и к философскому их осмыслению, и к художественному преодолению, победе над ними» (с. 474 монографии). Стоит отметить, что не только крупные обобщающие суждения о поэме высказываются автором, есть и проницательные замечания о частных эпизодах ее, о психических состояниях героя. Так, он говорит об отношении Дон Жуана к его последователю-соблазнителю: «Убивая дона Цезаря, он словно пытается избавиться от подобного представления о самом себе» (с. 244).

Столь же проницательно и важно в своих типологических выводах сопоставление Дон Жуана и тургеневского Базарова (с. 240 - 248). Еще более значительно по смыслу другое сопоставление - Дон Жуана с героями Достоевского, в частности, параллель Дон Жуан и «русские мальчики». Федоров с несомненной верностью указывает характерные черты такого типа. «Максимализм “русского мальчика” выражается прежде всего в непомерности требований к миру, в нежелании идти на компромисс, в том числе и со своей совестью» (с. 251). Затем - неистребимая «память» сиротства, принадлежность к «случайному семейству», даже Богооставленность (с. 253), что свидетельствует о духовной неукорененности в своей почве, в своем народе. (Здесь, однако, я сделал бы оговорку, что к «русскому мальчику» Алеше Карамазову это относится в наименьшей степени) Наконец, это духовный аристократизм данного типа, ведущий к сознанию исключительности и неизбежно - к одиночеству, а также интеллектуализм (что требует, думаю, уточнения: рационализирующий интеллектуализм). Резюмируя все качества типа, Федоров пишет: «Таким образом, идеализм и нигилизм в “русском мальчике” оказываются органически связанными как причина и следствие» (с. 252), и это верное заключение, которое должно быть применено и к толстовскому Дон Жуану с его «”русским выражением” лица».

План и логика исследования потребовали из драматической трилогии Толстого выделить для подробного рассмотрения «Смерть Иоанна Грозного»,

поскольку царственный герой этого произведения поставлен в ряд центральных образов в творчестве Толстого. Но, кроме того, Федоров выдвигает интересную концепцию, учитывая истолкование образа Иоанна Толстым в его «Проекте постановки на сцену трагедии “Смерть Иоанна Грозного”». Главным героем всей драматической трилогии исследователь называет именно Иоанна, хотя тот и сошел со сцены в конце первой ее части. Грозный на протяжении всех частей трилогии остается «”точкой отсчета”, эталоном, с которым сверяют себя все остальные важные действующие лица. Он - единственный “пограничный” герой в “вертикальных” связях земного пути Руси с Божиим Промыслом о ней. Он - центр притяжения и отталкивания, он - Имя не только человека, но и целого исторического периода. Он символ трагического смысла царского служения» (с. 382 - 383). В таком понимании этой фигуры есть историческая правда, которая поддерживалась представителями так называемой «государственной» школы русской историографии и близкими к ней драматургами того времени.

Завершая отзыв по существу диссертации А. В. Федорова, должен сказать, что выдвинутая автором рабочая *гипотеза* нашла свое полное подтверждение в результате проведенного исследования, я усматриваю это в *основных положениях* работы, вынесенных на защиту, и они представляются мне бесспорными, поскольку опираются на обстоятельную научную проработку необходимого и достаточного литературного материала.

Содержанию диссертации строго соответствует ее автореферат; основные положения ее в полной мере отражены в опубликованных монографиях и статьях автора.

В качестве заключения могу утверждать, что диссертационное исследование А. В. Федорова «Творчество А. К. Толстого и русская литература третьей четверти XIX века» является законченной научно-квалификационной работой, выполненной на высоком профессиональном уровне, соответствующей специальности 10.01.01 - русская литература, отвечающей критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых

степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г.№ 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14), и ее автор Алексей Владимирович Федоров заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Главный научный сотрудник
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института русской литературы
(Пушкинского Дома) Российской
Академии наук
доктор филологических наук,
профессор

Владимир Алексеевич
Котельников

199048 Санкт-Петербург
10 Линия В. О., 51, кв. 41
Тел. +7 (812) 323-05-58
e-mail: vladiko@VK9485.spb.edu
6 июня 2018 г.

ФГБУН Институт русской
литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
199034 Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4
Тел. + 7 (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

С В Е Д Е Н И Я

об официальном оппоненте по диссертации Федорова Алексея Владимировича «Творчество А. К. Толстого и русская литература третьей четверти XIX века», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература

Фамилия, имя, отчество	Котельников Владимир Алексеевич
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук, специальность 10.01.01 - русская литература
Ученое звание	Профессор
Основное место работы	
Почтовый индекс, адрес, web-сайт, электронный адрес организации	199034 г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4 http.//www.pushkinskijdom.ru E-mail: irliran@mail.ru
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
Наименование подразделения	Отдел новой русской литературы
Должность	Главный научный сотрудник
Публикации по специальности 10.01.01 - русская литература (по филологическим наукам)	
Составление, подготовка текстов, комментарии: *Толстой А. К.* Полное собрание сочинений и писем: В 5 т. Т. 1, 2. Редакционно-издательский центр «Классика». М., 2017. 751 с.	
Об историзме А. К. Толстого // Вестник ИАРЯЛ: Исследовательский журнал русского языка и литературы. (Teheran) 2015. Vol. 5. № 2. С. 41 – 54.	
Переписка А.К. Толстого и Б.М. Маркевича на французском языке // Русская литература. 2017. № 2. С. 226 - 229.	
Иоанна Александровна и Алексей Константинович // Гончаров после «Обломова». Сб. статей. СПб. – Тверь, 2015. С. 320 – 327.	

А. К. Толстой в работе над поэтическим текстом // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 2015. СПб., 2016. С. 886 - 904.
Портрет русского поэта в культурном ландшафте Германии // Русский мир. Альманах: Вып. 10. СПб., 2016. С. 9 – 34.
О новом издании наследия А. К. Толстого // Русская словесность. 2017. № 4. С. 5 - 11.
Неявное присутствие. Пушкин и другие у А.К. Толстого // Русская литература. Сб. ст. к 85-летию Н.Н. Скатова. «Росток». СПб., 2017. С. 255 - 273.
Русская драма на Лигурийском берегу (А. Герцен и Г. Гервег) // Русская литература. 2014. № 2. С. 122 - 130.
Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма // Русская литература. 2014. № 3. С. 28 - 41.
К. Аксаков: между «своим» и «чужим» // Русская литература. 2017. № 1. С. 21 - 46.

Оппонент _____ В. А. Котельников

Подпись В. А. Котельникова
УДОСТОВЕРЯЮ
Пом. директора
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
«06» июня 2018 г.
Подпись _____